

КУЛЬТУРА

Имя австрийского писателя Леопольда Захер-Мазоха известно даже тем, кто никогда не видел его сочинений. Известно благодаря слову «мазохизм», вошедшему во все основные языки мира и образованному от фамилии писателя. Но многие не знают, что это был за человек?

Не скроем, мы сомневались, подходит ли рассказ о Захер-Мазохе для рубрики «Уроки любви». Окончательный ответ даст читатель «Труда», но нам думается, что история отношений австрийского классика и той, кто долгое время шла с ним рука об руку по жизни, — тоже урок, и урок именно любви, пусть и не обычной.

Эта женщина вошла в историю литературы как Ванда фон Дунаева, хотя родители дали ей другое имя, куда более романтическое: Аврора. Аврора фон Рюмелин... Родилась она в австрийском городе Граце, где с малолетства познала нужду (отец, разорившись, покинул семью) и где начальником полиции служил дворянин Захер-Мазох. Лицо в городе, само собой, известное, но в один прекрасный день он оказался в тени собственного сына, совсем еще молодого человека, только что дебютировавшего как писатель.

Звали его Леопольдом. Говорили, что он помолвлен с красивой полькой, своей двоюродной сестрой, и что «любовь его к ней была необыкновенно возвышенной и чистой».

Помолвка с двоюродной сестрой вскоре расстроилась — как, впрочем, и все другие, а их на счету «молодого богослова» оказалось немало. Ничего удивительного! Захер-Мазох очаровывал всех женщин, и все они бежали за ним. У него бывали самые изящные, самые красивые и интересные женщины, но ни одной из них не удавалось внушить ему глубокого чувства.

Почему? Чего не доставало им, самым изящным, самым красивым, самым интересным? Быть может, любовного искусства? Да, любить, быть любимым — это, соглашается Северин, герой «Венеры в мехах», самого знаменитого произведения писателя, — большое счастье, но, продолжает он упоенно, «как бледнеет его сияние перед полным мук блаженством — боготворить женщину, которая делает нас своей игрушкой, быть рабом прекрасной тиранки, безжалостно попирающей нас ногами...»

Это — не просто слова, это — кредо; это, если угодно, ключ к сердцу художника, и Аврора, со школьных лет завидовавшая подругам литературной знаменитости, мечтавшая занять их место, и заняв не временно, а навсегда («Я... воображала себя женой писателя, в изящном доме, окруженная прелестными детьми») — Аврора фон Рюмелин воспользовалась этим ключом виртуозно.

Началось с писем. «Доктор! — писала она кумиру своих школьных лет, чьи сочинения внимательно проштудировала. — Во мне бушует демон! Я не знаю, любовь или ненависть заставляет жаждать видеть Вас у моих ног, изнывающим от желания и боли. Я хотела бы видеть Вас умирающим от страсти — о, как дрожит мое сердце,

пока я пишу это, от нетерпения...»

На такого рода признания и такого рода призывы Захер-Мазох откликался мгновенно.

«С тех пор, как я имею счастье знать Вас, т.е. с тех пор, как Вы милостиво разрешили писать Вам и отвечали на мои письма, мои мысли и чувства совершенно изменились. Мне кажется, что я нашел свой... идеал».

Идеал? Какой идеал? Вопрос далеко не праздный, ибо, по собственному признанию Захер-Мазоха, «в его воображении колебались два женских идеальных образа — один добрый, другой злой».

«Добрый» олицетворяла мать,

почему — близко к осуществлению? А потому что дальше переписки дело пока что не шло, она упорно отклоняла все его приглашения.

Или, лучше сказать, не приглашения, а — мольбу. Пока однажды не прочла в газете, что Захер-Мазох серьезно болен: у него воспаление легких. Тут уж гордая девушка отбросила все свои романтические штучки и написала, что готова навестить страждущего. Навестить сегодня же, в пять вечера, например.

Жил Захер-Мазох — с братом и отцом — на втором этаже добротного, известного всему городу дома. На лестничную площадку выходило несколько дверей, и

«Любовь — это рыцарское служение, это песнь трубадура, это цепи раба».

«Цепи раба!» Безоговорочное, полное унижений и физических мук подчинение мужчины своей избраннице, беспрекословное выполнение любого ее, пусть даже самого вздорного каприза — сквозная тема едва ли не всех его книг.

Раньше она воспринимала его затеи как игру, да то и была игра — «в разбойников», например, когда, облачившись в меховые шубы, жена и ее служанка с воинственным кличем гонялись по всему дому за убегающим писателем, пока наконец не хватали его, не связывали веревками и не выно-

бить в хорошем настроении и чтобы у меня было какое-то поощрение. Ты знаешь, что я хочу сказать. — Он хотел сказать, что она должна отдаться другому.

— Если ты желаешь, чтобы я зарабатывал на жизнь твою и твоих детей, ты тоже можешь что-нибудь сделать для этого. Можно подумать, что я прошу у тебя что-нибудь невероятное! То, о чем я говорю, может быть лишь удовольствием для тебя, а ты относишься к этому, точно к самой тяжелой жертве!»

В конце концов подходящая кандидатура нашлась. Это был 24-летний Александр Гросс, наивный молодой человек, весьма самоуверенный, что вызывало насмешку у Ванды и грандиозные надежды у ее мужа. «Я никогда еще не любил тебя так, как теперь, когда знаю, что скоро другой будет обладать тобой».

Ванда под разными предложениями откладывала решающее свидание. Нетерпеливый любовник — пока еще потенциальный — торопил ее. Муж, человек еще более нетерпеливый, — тоже. «Я не вынесу, — жаловался он ей с несчастным видом. — Я больше не в состоянии ждать того момента, когда увижу тебя в его объятиях».

Наконец долгожданный день настал. Детей с няней предупредительно отправили в театр на утренний спектакль, разгоряченный Гросс сидел в соседней комнате, а Захер-Мазох тем временем помогал жене одеваться.

Туалет соответствовал моменту: отделанный чернубой лисой доломан, белое атласное платье, туфельки под стать ему, тоже белые и атласные, которые он сам надел на ее маленькие холодные, как лед, ножки. Затем, сделав шаг назад, окинул взглядом свое сокровище и остался доволен.

«Как ты очаровательна, прекрасна! Такая нежная и целомудренная, как невеста... такая робкая! Как я завидую ему!»

Сушая правду: он завидовал. Что не помешало ему недогнущей (или, напротив, дрожащей от волнения) рукой открыть дверь, и...

«... И я прошла в маленькую комнату, где ожидал меня другой».

Но сердце ее осталось здесь. Только это было не то, прежде сердце взбалмошной девочки, которая озорства ради строчила знаменитому писателю письма в духе его романов и которая в угоду ему стала живой героиней одного из них (а может быть, и всех вместе), — это было сердце женщины, умудренной опытом, усталой, измученной бесконечными беременностями, дрожащей за своих детей, вынужденной исполнять дикие фантазии своего супруга... И тем не менее это сердце не озлобилось. Наоборот.

«Все то отвратительное, безобразное и безумное, что я пережила... возбудило во мне глубочайшую жалость к этому несчастному человеку, и из этой жалости возникла любовь, пустившая теперь глубокие корни в моем сердце».

По-видимому, ключевым словом в этом признании следует считать все-таки слово «любовь».

«Для работы мне необходимо

Руслан КИРЕЕВ.

УРОКИ ЛЮБВИ

Труд. - 1995, - 22 сен. - с. 5

ПЛЕТЬ С ГВОЗДЯМИ

Его писатель Захер-Мазох заставлял стегать себя

существо благородное и возвышенное, но скоро он понял, что подобной женщины ему не встретить. Почему? Да потому что, видел он, «современное воспитание, среда, общественные условия делали женщин лживыми и злыми... Их нравственность и доброта были или расчетом, или недостатком темперамента; в них не было ни капли правды». А раз так, он, больше всего на свете ненавидящий ложь, предпочитает иметь дело со злой женщиной — та, «по крайней мере, искренна в своей грубости, эгоизме и дурных инстинктах».

Вот, стало быть, о каком идеале толкует он! Она прекрасно понимает это (искусшенная читательница, Аврора и сама отменно владела пером, хотя на хлеб себе зарабатывала шитьем перчаток), она знает, что он обожает меха, и делает еще один смелый ход: таинственная незнакомка (до сих пор виделись лишь однажды, и она, несмотря на его уговоры, не подняла вуали), она милостиво соглашается принять от него мех — красную с горностаем кофточку, — но честно предупреждает, чтобы он ни в коем случае не дарил ей своего сердца.

«Я растопчу его, потому что мне не нужна Ваша любовь. Вы любите меха, — да, найдите блестящий, прекрасный и мягкий. Вы увидите такую красоту, на которую будете молиться на коленях, но коснуться не посмеете...»

И добавок ко всему подписывается именем героини «Венеры в мехах»: Ванда Дунаева. Отныне это становится ее именем... Таким образом, осуществилось — или, вернее, близко к осуществлению — одно из самых заветных его мечтаний: «Если бы я встретил женщину, способную быть «Венерой в мехах», я любил бы, боготворил бы ее до безумия, я обратился бы в ее раба».

Но почему — не осуществилось,

гостя в растерянности остановилась, не зная, в какую постучать.

И тут одна из них распахнулась. На пороге стоял сам Леопольд, чрезвычайно бледный, в щегольском, на польский манер, костюме. Некоторое время длилось молчание — даже на обычный вопрос ее о здоровье хозяин, растерянный и взволнованный, не в состоянии был и слова вымолвить... Вдруг он опустил перед ней на колени и сложил руки так, будто собирался молиться.

С этой минуты заочная дружба, которая жидилась исключительно на письмах, перешла в горячие личные отношения. Захер-Мазох опекает Ванду как литератора: ее небольшие вещицы все чаще появляются в различных изданиях; он знакомит ее с писателями и художниками, посвящает в тайны искусства.

13 октября 1873 года в городской газете появилась заметка, из которой следовало, что накануне в приходской церкви Св. Крови известный писатель Захер-Мазох обвенчался с баронессой Рюмелин...

Баронессой... Молодая жена несказанно удивилась, обнаружив рядом со своей девичьей фамилией сей пышный титул. Откуда взялся он? Всему Грацу известно, что она отродясь не была никакой баронессой. Кто сыграл над ней злую шутку?

Ее собственный муж, кто же еще! Вот только не над ней, а над добропорядочными жителями родного города. Пусть почешут языки! Пусть позлятся — им это пойдет на пользу.

То был один из первых, но, разумеется, далеко не последний сюрприз, преподнесенный супругом. Мало-помалу Ванда убеждалась, что описанные в сочинениях мужа странности — не только плод его безудержной фантазии, но и то, к чему он тайно вожделеет.

сили приговор, исполнение которого, естественно, откладывалось. Забава, словом, — пусть странно-вздорная для взрослого человека, но забава. Однако, пишет Ванда, «в один прекрасный день Леопольд придал ей более серьезный оборот, что было для меня очень тяжело. Он хотел «настоящего» наказания... чтобы мы били веревками, которые он сам приготовил для этой цели».

«Не проходило дня, чтобы я не била моего мужа... Вначале я испытывала необычайное отвращение, но мало-помалу привыкла, хотя всегда исполняла это против воли».

А муж шел все дальше и дальше. Писатель, о котором критика восторженно говорила, что он-де «соединяет в себе темперамент лорда Байрона и форму Мериме», был неистощим на выдумки.

«Видя, что я подчиняюсь его желаниям, он ухитрился придать этому еще более мучительный характер. Он заказал, по своему собственному указанию, различные кнуты, между прочим плетъ в шесть ремней, утыканных острыми гвоздями».

Но это еще не все. Термин «мазохизм», введенный в обиход венским психиатром Р. Крафт-Эбингом, подразумевает не только физические, но и моральные страдания. Возможно даже, моральные в большей степени. Произведения писателя, и прежде всего «Венера в мехах», дают для такой интерпретации все основания. Северин не только заставляет Ванду, предварительно облаченную в меха, стегать его кнутом, но и — страшно вымолвить! — подбивает изменить ему.

«Он напрямик стал просить меня изменить ему», — признается в своих мемуарах Ванда. И далее приводит доводы своего фантастического мужа.